

Приезд в Томск Егора Гайдара вызвал немалый интерес. Во всяком случае пребывание его в нашем городе было насыщено встречами и выступлениями в различных аудиториях. На вопросы журналистов "Красного знамени" бывший глава правительства страны и лидер движения "Демократический выбор России" ответил, побывав в редакции нашей газеты.

Егор ГАЙДАР:

"Сегодня в своей правоте я уверен даже больше, чем прежде"

- На днях мэр Москвы Юрий Лужков уперев в ливии: "Эксперимент закончен, госвиди хорошие!" Надо подгадать, что он имел в виду тот путь, который взял Россия с 1992 года. Означает ли это, что либерализм в России потерпел себя и остался уделом группы либералов?

- Нет, не означает. Никакого единого либерального эксперимента в России не было, но немалое число из нас ничего не знало. Было нечто лишь несколько кратких эпизодов, чем то напоминающих систематическую либеральную экономическую политику. Если в 1994 году, после моего отставки, тот же Черномырдин, пообещав построять "рынок без барьеров" и накатив экономический ливень, осуществил либеральный эксперимент, то в эпоху пока меня придется забыть.

Надо учитывать, что в течение семи лет, когда рухнула социалистическая экономика, в России шла борьба между двумя путями экономического развития. Да, рыночная экономика серьезно укрепились, от нас не хотел отказываться даже коммунистическое правительство Приказкина-Медведевичи. Но сделать ее эффективной и растущей не удалось. Прежде всего потому, что у реформаторов не эти годы не было бюджетной и парламентской. И это стало для нас уроком. Выдвинулось, что либеральные реформы России нельзя начинать, их можно только продолжить. На хороших эти идеи рано, другого пути на сегодняшний бардак у нас все равно нет. Если бы господин Лужков сказал, что хочет вернуть социализм, то это был бы действительно другой путь. Но он этого не хочет. И если Лужков или кто другой встанет у власти, то ему придется или наблюдать, как страна процветает в тисках, или реализовать ту самую программу, которую они сегодня проklamуют.

- Значит, по-вашему, это просто избирательная риторика?

- Этот момент, конечно, нельзя исключать. С другой стороны, здесь есть некий элемент весьма специфического собственного опыта. У Лужкова это опыт управления Москвой - финансовально-бюджетно-социальное региона. Один "Газпром", не говоря о газе в пределах Солонихи-Ковыды, лифта в Москве метро, приватизация все налоговые поступления Томской области и несколько раз. В такой ситуации легко стать крупным социал-демократом, объяснять, что не нужна никакая либеральная политика и все эти глупости про деньги, что надо и всех позаботиться и т.д. И только сейчас господин Лужков понимает ситуацию по своему

нашему то трюк. Банковского кризиса бюджетом Москвы. Конечно, он искренне верит, что можно сделать лучше России так, как в Москве. Но в рамках предлагаемой политики невозможно одно: в Москве будет, как в России.

- На днях Дума приняла в первом чтении проект бюджета на 1999 год. Наш друг и единомышленник Анатолий Чубайс, как известно, его одобрил. А каковы ваши оценки поведенческой политики этого бюджета, Егор Тимурович?

- Я уточню: Анатолий Борисович сказал, что сам по себе бюджет не плохой, но это правительство имеет

нам плане удачи сохранить единство, но членов партии сдерживают, включая тех, кто недоволен. Я инстинктивно и инстинктивно флирт с коммунистами и последователями, оказавшись не таким уж и малым. Не надо заблудиться еще в том, что политика в действительности - не столько кинескоп. Помните Польшу в 1989-м "Солнечность" с огромным перелетом выигрывает парламентские выборы, в 1993-м - демократы проигрывают выборы, а в 1997-м поразительные теперь уже коммунисты. Так и у нас сейчас "капитализм" кажутся шло, логично кажется шло. Надо лишь, чтобы ложа он идет на

путь неспособно его реализовать. Бюджет этот имеет бы какой-то смысл, если бы у власти стояли интеллектуально-информационное правительство.

Что происходит сегодня в стране? Серия или очередной кризис, не хватает денег на финансирование расходов. Кабинет Приказкина несколько раз меняли, но не очень осторожными шагами постепенно получены доходы в депрессивной форме по крайней мере на ближайшие полгода. И ничего за эти месяцы не сделано для ограничения бюджетных обязательств, хотя к тому же инфляционную интервенцию, которая еще и не достигнута.

Но и сейчас к тому, что реально доходы бюджета существенно сократятся. Правительство продолжает решать по-прежнему вопрос сокращения всех бюджетных расходов. Это, я бы сказал, жестокая попытка расширить круги бедности. И на практике - труднореализуемая. К фискально-артикулярным, что есть набор социальных групп (не все сейчас бюджетники, пенсионеры, инвалиды, ветераны войны), которые нельзя будет отказать и обеспечить им пенсионные выплаты. Кроме этого, пенсионный индекс никак не будет, и пенсионная программа не будет. Даже при самом благоприятном исходе эти операции мы получим разрыв инфляции, падение реальных доходов населения. В общем, бюджетный оптимизм развития ситуации не улучшает.

- В Томске на конференции по авторитаризму вы утверждали, как ученый, а как журналистской позиции. То есть вы уже начали предрешать кампанию?

- Конференция, без сомнения, связана с борьбой за формирование в России бы либеральной идеологии. К этому мы приурочили и мероприятия, связанные с созданием республиканской правительственной комиссии в Томске, что самым прямым образом связано с предстоящими выборами.

- Реальна ли, на ваш взгляд, перспектива этой коалиции преодолеть пятипартийный барьер для выборов в Госдуму России?

- Думаю, что да. На прошедших выборах политические силы, которые поддерживали некто два участника этой коалиции - Борис Федорович и, набравши примерно столько же голосов, сколько и "Яблоко". Вучи

фото: оп. не сломал "чужие".

- Впервые выи приватизации ли выбора - коммунисты, "Яблоко" и лужковские "Отечества".

То же говорить в провинциях, то, конечно, это коммунисты. Точнее, те, кто сдвинулся с радикальными националистами, фашистами, анти-септатами. Наши оппоненты - "Наследие" и "Отечество". У нас разные вещи претен по многим принципам и разным порогам. Мы считаем, что Лужков - это путь к бюрократическому и тоталитарному пределе неэффективному рынку и капитализму. У Лужковского - социал-демократическая партия с программами установления, неадекватными сегодняшним российским реалиям. Но эти различия не означают, что мы не сможем кооперироваться по какому-то набору проблем.

- Несколько беспокоит вас проблема растущего политического экстремизма и не является ли он следствием экономического радикализма левых?

- На мой взгляд, здесь все строго наоборот. Я в споре с вами одним из первых обратил внимание на параллели между современной Россией и немецкой Германией в то, что у нас была радикального национализма куда более серьезная, чем проект возврата к коммунизму. Убежден, что только радикальные реформы, связанные с занятием экономический рост, являются надежным решением от национализма. Потому что питанием стало для него - это чувство национального унижения, разочоро-

пашин и демократической политике, "коммунистический трудизм" Ю. Пинлар. Итого этого избежать, нужны растущая экономика, растущие доходы, демократия, эффективность демократических институтов. Все это можно реализовать, как показала богатый опыт, только в рамках последовательных реформ. Социальная структура - неизбежная плата за их отсутствие.

- Не-видимому, нет смысла спешить все об окончании к досрочным выборам президента. Но не является ли нынешнее состояние, в том числе и физическое, Б. Ельцина тормозом для развития политических и экономических процессов в России?

- Совершенно не согласен с предложением досрочных выборов. Что он тормозит-то? Президент практически ни на что сегодня не способен. И социально-экономической области у правительства возможности практически нули. Дума принимает те законы, которые считает нужными. Никаких проблем. Другое дело - почему они не пытаются к нему такую спешить? Если бы еще и не было президентства, то они могли бы показывать кобылку по телевизору и ужалить, что в этом и есть главное счастье, а несовершенных - и культуру. Тогда эта несовершенная система была бы гибкой. Но пока у нас политический оппонентом президентства не так precisely, а ни телевизору еще можно увидеть, что дает социально-экономическая политика, которую они провалят. Но эти проблемы не так мешают. И если бы, что мешает.

- Судя по вашей семье, воспитывали вы, скорее всего, не должны были идти в мир политики, не отличались бы особым интеллектуальными. Вы не разочаровались в нем?

- У меня начал большой политический склад в начале 1980-х, поэтому сказать, что я разочарован, было бы большим преувеличением. И никогда не хотел в нем быть. Хотел заниматься наукой, писать книжки. На когда ситуация круто изменилась, и стало ясно, что речь идет о огромном кризисе, стоить в стороне оставаться не надо. И я начал заниматься в различных учреждениях, включая Горбачева, но ничего сделать не смог. В 1991 году страна стала походить на самодет без пилота и парашюта и, если кто-нибудь тогда не поберется, чтобы что-то сделать, мы бы попали в кувалды. И сейчас мне приходится думать, что мы отпалили в направлении в сторону уже черт-те что, так, кетанги, и поучимся.

Идиллии, повторю, не было. Но меня не притормозило, когда отпачкали в ливии, ярые бы даже был ких. У меня была цель, доводить крутые реформы в человеке - и Александр Николаевич Шохин, старый друг и коллега, который очень нескромно презал меня в день моей отставки.

- Историк, как известно, не терпит оценочного выноса. И все же, если бы вы сегодня снова стали главой правительства, изменили бы с учетом опыта, основанных взглядов на жизнь свои подходы к привнесению реформ?

- Сказать бы не изменил. Конечно, есть масса технических деталей, которые я бы сделал по-другому. Но у меня была одна позиция, что экономика в России, даже после 75 лет социализма, устроена примерно так же. До крайней мере, с точки зрения эффективности, инфляционной, бюджетной зависимости, как и во всем мире. Но поскольку эта позиция не была подтверждена, кроме широчайшего смысла. Сейчас я могу доказать это массовым исследованием, социальным и культурным анкетированием. Сегодня уверенность в собственной правоте у меня неизмеримо больше, чем в то время.

Евгений ФРОЛОВ
Фото Евгения ЛИСИЦЫНА.

"Красное знамя" от 29.12.98 № 343
Томская обл.
И В: 49
75.01.99

«Красное знамя» (Томск) 29 декабря 1998 года.

Егор Гайдар: «Сегодня в своей правоте я уверен даже больше, чем прежде».

Приезд в Томск Егора Гайдара вызвал немалый интерес. Во всяком случае пребывание его было насыщено встречами и выступлениями в различных аудиториях. На вопросы журналистов «Красного знамени» бывший глава правительства страны и лидер движения «Демократический выбор России» ответил, побывав в редакции нашей газеты.

– На днях мэр Москвы Юрий Лужков уверенно заявил: «Эксперимент закончен, господа хорошие!» Надо полагать, что он имел в виду тот путь, которым шла Россия с 1992 года. Означает ли это, что либерализм в России исчерпал себя и остался уделом группы интеллектуалов?

– Нет, не означает. Никакого семилетнего либерального эксперимента в России не было, во всяком случае, я о нем ничего не знаю. Было всего лишь несколько кратких эпизодов, чем-то напоминающих систематическую либеральную экономическую политику. Если в 1994 году, после моей отставки, тот же Черномырдин, пообещав построить «рынок без базара» и накачав экономику деньгами, осуществлял либеральный эксперимент, то в этом вам меня придется убедить.

Надо учитывать, что в течение семи лет, когда рухнула социалистическая экономика, в России шла тяжелая борьба вокруг выбора пути экономического развития. Да, рыночная экономика сегодня укоренилась, от нее не хочет отказываться даже коммунистическое правительство Примакова-Маслюкова. Но сделать ее эффективной и растущей не удалось. Прежде всего потому, что у реформаторов все эти годы не было большинства в парламенте. И это стало для нас уроком. Выяснилось, что либеральные реформы России нельзя навязать, их можно только сознательно выбрать. Но хоронить эти идеи рано, другого пути из сегодняшнего бардака у нас все равно нет. Если бы господин Лужков сказал, что хочет строить социализм, то это был бы действительно другой путь. Но он этого не хочет. И если Лужков или кто другой встанет у власти, то ему предстоит или наблюдать, как страна проваливается в трясину, или реализовывать ту самую программу, которую они сегодня проклинаяют.

– Значит, по-вашему, это просто предвыборная риторика?

– Этот момент, конечно, нельзя исключать. С другой стороны, здесь есть некий элемент весьма специфического собственного опыта. У Лужкова это опыт управления Москвой – феноменально бюджетнообеспеченного региона. Один «Газпром», не добывая газа в пределах Садового кольца, платит в Москве налоги, превышающие все налоговые поступления Томской области в несколько раз. В такой ситуации легко стать крупным социал-демократом, объяснять, что не нужна никакая либеральная политика и все эти глупости про деньги, что надо о всех позаботиться и т. д. И только сейчас господин Лужков начинает сталкиваться со съезживающимся на фоне банковского кризиса бюджетом Москвы. Конечно, он искренне верит, что можно сделать во всей России так, как в Москве. Но в рамках предлагаемой политики возможно одно: в Москве будет, как в России.

На днях Дума приняла в первом чтении проект бюджета на 1999 год. Ваши друг и единомышленник Анатолий Чубайс, как известно, его одобрил. А какова ваша оценка последствий принятия этого бюджета, Егор Тимурович?

– Я уточню: Анатолий Борисович сказал, что сам по себе бюджет неплохой, но это правительство абсолютно неспособно его реализовать. Бюджет этот имел бы какой-то смысл, если бы у власти стояло последовательное либеральное правительство.

Что происходит сегодня в стране? Серьезный бюджетный кризис, не хватает денег на финансирование расходов. Кабинет Примакова несколькими мягкими, но не очень осторожными движениями подорвал возможность получения доходов в денежной форме, по крайней мере, на ближайшие полгода. И ничего за эти месяцы не сделал для ограничения бюджетных обязательств, задав к тому же инфляционную инерцию, которая еще и недооценена. Это приведет к тому, что реальные доходы бюджета существенно сократятся. Правительство предлагает решить эту проблему за счет резкого сокращения всех бюджетных выплат. Это, я бы сказал, жестокая политика расплаты за собственные ошибки. И на практике – трудновыполнимая. К февралю-марту выяснится, что есть набор социальных групп (те же самые бюджетники, военные), которым нельзя будет отказать в существенной индексации доходов. Кроме денежной эмиссии, иных источников у правительства не будет. Даже при самом благоприятном исходе этой операции мы получим разгон инфляции, падение реальных доходов населения. В общем, большого оптимизма развитие ситуации не внушает.

– В Томск на конференцию по либерализму вы прибыли и как ученый, и как практический политик. То есть вы уже начали предвыборную кампанию?

– Конференция, без сомнения, связана с борьбой за формирование в России базы либеральной идеологии. К этому мы приурочили и мероприятия, связанные с созданием

региональной правоцентристской коалиции в Томске, что самым прямым образом связано с предстоящими выборами.

– Реальна ли, на ваш взгляд, перспектива этой коалиции преодолеть пятипроцентный барьер на выборах в Госдуму России?

– Думаю, что да. На прошлых выборах политические силы, которые возглавляли всего два участника этой коалиции – Борис Федоров и я, – набрали примерно столько же голосов, сколько и «Яблоко». Если нам нынче удастся сохранить единство, то число наших сторонников, включая тех, кто недоволен Г. Явлинским за избыточный флирт с коммунистами и непоследовательность, окажется не таким уж и малым. Не надо забывать еще и о том, что политика в постсоциализме – всегда качели. Вспомните Польшу: в 1989-м «Солидарность» с огромным перевесом выигрывает парламентские выборы, в 1993-м – демократы проигрывают вчистую, а в 1997-м – поражение терпят теперь уже коммунисты. Так и у нас: сейчас «маятник» качнулся влево, потом качнется вправо. Важно лишь, чтобы пока он идет налево, он не сломал «часы».

– Основные ваши противники на выборах – коммунисты, «Яблоко» и лужковское «Отечество»?

– Если говорить о противниках, то, конечно, это коммунисты. Точнее, те, кто слились с радикальными националистами, фашистами, «антисемитами». Наши оппоненты – «Яблоко» и «Отечество». У нас разные точки зрения по многим принципиальным вопросам. Мы считаем, что Лужков – это путь к бюрократическому, а значит, предельно неэффективному рынку и капитализму. У Явлинского – социал-демократическая партия с программными установками, неадекватными сегодняшним российским реалиям. Но эти разногласия не означают, что мы не можем кооперироваться по какому-то набору проблем.

– Насколько беспокоит вас проблема растущего политического экстремизма и не является ли он следствием экономического радикализма начала 90-х?

– На мой взгляд, здесь все строго наоборот. Я в свое время одним из первых обратил внимание на параллели между современной Россией и веймарской Германией и на то, что угроза роста радикального национализма куда более серьезна, чем просто возврат к коммунизму. Убежден, что только радикальные реформы, способные запустить экономический рост, являются надежным рецептом от национализма. Потому что питательная среда для него – это чувство национального унижения, разочарования в демократической политике, экономические трудности. Это – Веймар. Чтобы этого избежать, нужны растущая экономика, растущие доходы, демонстрация эффективности демократических институтов. Все это можно реализовать, как показывает богатый опыт,

только в рамках последовательных реформ. Сегодняшняя ситуация – неизбежная плата за их отсутствие.

– По-видимому, нет смысла спрашивать вас об отношении к досрочным выборам президента. Но не является ли нынешнее состояние, в том числе и физическое, Б. Ельцина тормозом для развития политических и экономических процессов в России?

- Совершенно не согласен с предложением о досрочных выборах. Что он тормозит-то? Президент практически ни во что сегодня не вмешивается. В социально-экономической области у правительства полностью развязаны руки. Дума принимает те законы, которые считает нужным. Никаких проблем. Другое дело – почему они испытывают к нему такую неприязнь? Если бы еще и не было президента, то они могли бы показывать колбасу по телевизору и убеждать, что в этом и есть народное счастье, а несогласных – в кутузку. Тогда эта целостная система могла бы работать. Но пока у нас политических оппонентов посадить не так просто, а по телевизору еще можно увидеть, что дает социально-экономическая политика, которую они проводят. Вот это больше всего им мешает. И слава Богу, что мешает.

– Судя по вашей семье, воспитанию, вы, скорее всего не должны были идти в мир политики, не отличающейся особой интеллигентностью. Вы не разочаровались в нем?

– У меня насчет большой политики никогда не было иллюзий, поэтому сказать, что я разочаровался, было бы большим преувеличением. Я никогда не хотел в нее идти. Хотел заниматься наукой, писать книжки. Но когда ситуация круто завернулась, и стало ясно, что речь идет о страшном кризисе, стоять в стороне оказалось тяжело. Я пытался достучаться до разных начальников, включая Горбачева, но ничего сделать не смог. В 1991 году страна стала напоминать самолет без пилота и парашютов и, если кто-нибудь туда не заберется, чтобы что-то сделать, мы обязательно куда-нибудь можем врезаться. Правда, у меня никогда не было мысли, что кто-то нас когда-то поблагодарит. И в первую же встречу сказал Ельцину, что он отправит наше правительство в отставку уже через год. Так, кстати, и получилось.

Иллюзий, повторяю, не было. Но очень неприятно, когда ошибаешься в людях, вроде бы даже близких. У меня было одно, довольно крупное разочарование в человек – в Александре Николаевиче Шохине, старом друге и коллеге, который очень некрасиво предал меня в день моей отставки.

– История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. И все же, если бы вы сегодня снова стали главой правительства, изменили бы с учетом опыта, сегодняшних взглядов на жизнь свои подходы к проведению реформ?

– Совсем бы не изменил. Конечно, есть масса технических деталей, которые я бы

сделал по-другому. Но у меня была тогда гипотеза, что экономика в России, даже после 75 лет социализма, устроена примерно так же, по крайней мере, с точки зрения денежной, инфляционной, бюджетной зависимости, как и во всем мире. Но гипотеза эта ничем не была подтверждена, кроме здравого смысла. Сейчас я могу доказать это массой исследований, создающих прекрасный прогностический результат. Сегодня уверенности в собственной правоте у меня неизмеримо больше, чем в то время.

Интервью брал Евгений Фролов.